

Дипломатический демарш Израиля: противодействие возвращению Турции в проект F-35

Комментарий Центра АРВАК, 11.07.2026

Аннотация

АРВАК анализирует дипломатический демарш израильского руководства в ответ на планы администрации США по возвращению Турции в программу производства и обслуживания истребителей F-35 Lightning II. Рассматриваются геополитические риски, связанные с возможным нарушением баланса сил на Ближнем Востоке, а также оценивается влияние американских инициатив на региональную архитектуру безопасности. Особое внимание уделено историческому контексту санкционного режима (включая сделку по С-400) и перспективам реализации турецкой национальной авиационной программы КААН.

Ключевые слова: *Турция, Израиль, США, F-35, Ближний Восток, баланс сил, военно-техническое сотрудничество, С-400, КААН, региональная безопасность, геополитика.*

Дипломатический демарш Израиля: противодействие возвращению Турции в проект F-35

Израильский премьер-министр Б. Нетаньяху обратился к главе Белого дома Д. Трампу с призывом отказаться от планов по восстановлению Анкары в качестве полноправного участника программы производства и обслуживания истребителей новейшего поколения *F-35 Lightning II*. Поводом для демарша послужили очередные заявления американского лидера, сделанные в ходе саммита НАТО в Турции, где он подтвердил готовность Вашингтона реанимировать прежний формат военно-технического сотрудничества с турецкой стороной.

В рамках своего демарша Б. Нетаньяху акцентировал внимание на том, что возвращение Анкары в проект *F-35* неизбежно приведет к «*нарушению баланса сил на Ближнем Востоке*», прямо указывая на наличие у турецкого руководства «*агрессивных устремлений*» и неоосманских амбиций. Глава израильского правительства подчеркнул, что нынешняя Турция не является субъектом, содействующим региональной стабильности и безопасности. По его убеждению, передача столь мощного авиационного потенциала радикальному режиму, который «*демонстрирует лояльность Вашингтону лишь в моменты прагматической выгоды*», обернется для США новой волной региональной экспансии. В этих словах прослеживается явная критика в адрес Д. Трампа, чьи комплиментарные высказывания о Р. Т. Эрдогане как о «*хорошем друге*» вызывают в Тель-Авиве серьезный скепсис. Нетаньяху фактически предостерег Белый дом от чрезмерного доверия турецким гарантиям, считая их лишь тактическим маневром в большой геополитической игре Анкары.

История отчуждения: от сделки по С-400 до санкций

Процесс отчуждения Анкары от проекта *F-35* берет свое начало в 2017 г., когда турецкое руководство, проигнорировав жесткие предостережения Вашингтона и партнеров по Североатлантическому альянсу, подписало соглашение с Москвой о приобретении высокотехнологичных систем ПВО *С-400 «Триумф»*. Данный шаг стал своеобразной реакцией Турции на затяжные бюрократические и финансовые препятствия внутри НАТО, блокировавшие обновление национального контура противоракетной обороны. В качестве

фундаментального аргумента против российско-турецкой сделки Белый дом выдвигал тезис о технической несовместимости американских авиационных платформ с российскими зенитными комплексами в рамках единой системы противовоздушной обороны. Кроме того, Вашингтон выражал серьезные опасения относительно возможной утечки секретных кодировок и тактико-технических параметров новейших истребителей в распоряжение Москвы. В глобальном же измерении Вашингтон интерпретировал данный контракт как открытый политический демарш Анкары, наносящий ущерб атлантической солидарности на фоне обострения регионального противостояния в Сирии и нарастания напряженности вокруг украинского кризиса.

Точкой невозврата в отношениях сторон стал 2019 г., когда начало поставок российских дивизионов *C-400 «Триумф»* вынудило Вашингтон окончательно исключить Анкару из числа участников проекта *F-35*. В 2020 г. данная ограничительная мера приобрела обязательный характер, будучи закрепленной в Законе о национальных оборонных расходах (NDAA). В соответствии с положениями Статьи 1245 указанного акта на Пентагон был наложен жесткий запрет на трансфер авиационных платформ *F-35* до тех пор, пока исполнительная власть США не сертифицирует, что Турция более не располагает российскими комплексами *C-400*. В результате турецкая сторона столкнулась с блокированием не только поставок самолетов, но и возврата ранее внесенных авансовых платежей в размере около \$1,4 млрд.

На протяжении нескольких лет американские законодатели также сдерживали заключение новых контрактов на поставку истребителей *F-16* и модернизацию уже имеющегося турецкого авиапарка. Эти меры временно ограничили темпы обновления ВВС Турции на фоне массивного перевооружения других региональных партнеров США. В частности, параллельные поставки истребителей 5-го поколения *F-35* Израилу и Греции долгое время вызывали острую реакцию со стороны Анкары, опасавшейся изменения баланса сил в Восточном Средиземноморье.

Поиск альтернатив и программа КААН

Сложившаяся конъюнктура вынудила Анкару приступить к поиску альтернативных путей обновления своего авиапарка, рассматривая в качестве замены выработавшим ресурс *F-16* китайско-пакистанские истребители *JF-17 Thunder*. В условиях блокировки поставок *Lockheed Martin F-35 Lightning II* турецкое руководство также прорабатывало сценарии приобретения истребителей 5-го поколения либо в КНР (проект *FC-31/J-31*), либо в Российской Федерации (*Su-57*). Тем не менее итоговым вектором турецкой оборонной стратегии стала реализация амбициозной программы по созданию отечественной авиационной платформы, получившей официальное наименование *KAAN*.

Информационный фон вокруг реализации программы по созданию турецкой авиационной платформы *KAAN* отличается существенной полярностью оценок. Несмотря на регулярные оптимистичные заявления высшего политического руководства Турции, включая Р. Т. Эрдогана, о способности данного истребителя 5-го поколения не только занять доминирующие позиции на мировом рынке, но и превзойти по своим параметрам американские *F-35*, профильное экспертное сообщество констатирует наличие системных технологических барьеров. В частности, специалисты акцентируют внимание на

критических сложностях в области разработки сверхпрочных сплавов, современной авионики и силовых установок, эффективное освоение которых собственными силами турецкого ВПК представляется крайне проблематичным. Действующий рестрикционный режим со стороны Вашингтона фактически блокирует для Анкары возможности обмена высокотехнологичными компетенциями внутри альянса и делает невозможным приобретение ключевых узлов и комплектующих. Кроме того, существенным препятствием для успешной реализации проекта *KAAN* остается ограниченность государственного финансирования, что в условиях реализации столь масштабной и ресурсоемкой программы неизбежно ведет к деградации итоговых показателей результативности.

Новый виток сближения с США

Параллельно с этим, начиная с 2020 г., Анкара последовательно предпринимала дипломатические усилия, направленные на деактивацию рестрикционного режима или, по крайней мере, на частичное смягчение американских санкций. В данном контексте турецкая сторона весьма прагматично эксплуатировала меняющуюся геополитическую конъюнктуру, навязывая Вашингтону формат сложного торга по широкому спектру вопросов атлантической и региональной повестки. Знаковым событием в этом процессе стала дата 26.01.2024 г., когда вслед за окончательным одобрением Турцией вступления Швеции в Североатлантический альянс администрация Белого дома официально инициировала процедуру разблокировки масштабного контракта стоимостью \$23 млрд. Указанная сделка предусматривала поставку 40 современных авиационных платформ *F-16*, а также передачу 80 комплектов высокотехнологичного оборудования для глубокой модернизации уже имеющегося у Анкары парка истребителей. Несмотря на попытку группы законодателей во главе с Рэндом Полом повторно наложить вето на трансфер вооружений, 01.03.2024 г. Сенат США окончательно легитимизировал реализацию данного соглашения.

Развитие событий во вторую президентскую каденцию Д. Трампа ознаменовалось новым витком военно-технического сближения: в середине июня 2026 г. Белый дом официально уведомил законодателей о намерении санкционировать поставку Анкаре партии силовых установок *General Electric F110* стоимостью около \$700 млн. Для турецкой стороны реализация данного контракта носит экзистенциальный характер, поскольку именно эти установки призваны обеспечить проведение летных испытаний первых образцов истребителя *KAAN* на промежуточном этапе, предвещающем завершение амбициозного цикла разработки собственного двигателя *TF 35000*. Примечательной стала и жесткая позиция президентской администрации, доведенная до сведения ключевых фигур Капитолийского холма: любые попытки блокирования трансфера через механизмы рестрикционного акта *CAATSA* будут купированы Белым домом путем проведения сделки в обход стандартных процедур парламентского одобрения.

В экспертном сообществе превалирует убеждение, что инициатива Д. Трампа стала возможной исключительно вследствие достижения окончательного консенсуса по вопросу отказа Анкары от эксплуатации российских зенитных систем *C-400 «Триумф»*. Еще в конце 2025 г. аффилированные с турецким истеблишментом информационные ресурсы сообщали о готовности руководства республики деактивировать российский фактор в своей ПВО посредством репатриации комплексов в РФ или их реэкспорта в третьи страны при наличии

согласия Москвы. В качестве радикальной альтернативы рассматривался сценарий полной утилизации систем, призванный окончательно устранить опасения относительно технологических рисков для оборонного контура Североатлантического альянса. Данный шаг Анкары, несущий характер долгового обязательства перед Вашингтоном, открывает путь к реинтеграции Турции в число полноправных участников проекта F-35. Последовательные заявления американского лидера, звучавшие с декабря 2025 г. и подтвержденные в ходе июльского саммита НАТО, свидетельствуют о намерении Белого дома демонтировать рестрикционный режим. Это предполагает не только возобновление прямых поставок авиационных платформ, но и создание благоприятной конъюнктуры для форсированного развития национальной авиационной промышленности Турции.

Геополитический риск: угроза балансу сил на Ближнем Востоке

Демарш Б. Нетаньяху отражает обеспокоенность Тель-Авива потенциальной утратой технологического доминирования в региональном воздушном пространстве вследствие качественного усиления турецких ВВС. Фундаментальный тезис израильского лидера о неизбежном *«нарушении баланса сил»* на Ближнем Востоке следует интерпретировать не как элемент эмоциональной риторики, а как констатацию реальной угрозы сложившейся архитектуре безопасности. В условиях отсутствия у Анкары эквивалента тактического ядерного арсенала еврейского государства именно превосходство в сегменте пилотируемой авиации остается ключевым фактором, обеспечивающим Израилю стратегическое преимущество в рамках регионального соперничества с Турцией.

Параметры количественного соотношения регулярных вооруженных сил, бронетанкового потенциала, артиллерийских платформ и, прежде всего, военноморского компонента демонстрируют явный дисбаланс, складывающийся не в пользу Тель-Авива. Турецкая армия по своим оперативным возможностям и численному составу сохраняет статус второй по значимости силы Североатлантического альянса после США. Существенным преимуществом Анкары в данной сфере является высокая степень импортозамещения: около 80% вооружений генерируется мощностями национального ВПК. По оценкам израильской военно-политической экспертизы, в последние годы Турция продемонстрировала *«невероятные успехи»* в области глубокого переоснащения всех видов вооруженных сил и их интеграции в парадигму высокотехнологичной войны. Турецкая сторона весьма эффективно наращивает производство широкой номенклатуры ударных и разведывательных БПЛА, современных танков, а также систем реактивной и полевой артиллерии. Значительный прогресс зафиксирован даже в сегменте военного судостроения, где за счет внедрения собственных компетенций Анкара практически полностью купирует потребности ВМФ. Аналитики констатируют: несмотря на высокую технологическую насыщенность ЦАХАЛ, Тель-Авив сталкивается в лице Турции с крайне опасным оппонентом, обладающим, в отличие от Израиля, неоспоримым преимуществом в виде значительной стратегической глубины на сухопутном и морском театрах военных действий.

Исходя из вышеизложенного, пилотируемая авиация выступала в качестве единственного стратегического компонента, обеспечивающего еврейскому государству сохранение военно-технического паритета в глобальном противостоянии с турецкой стороной. Именно технологическое превосходство в воздушном пространстве служило для

Тель-Авива надежным инструментом купирования рисков, позволяя в условиях эскалации двусторонних противоречий сдерживать экспансионистский потенциал Анкары и минимизировать ее прямое силовое вмешательство в региональные процессы. В настоящее время турецкие ВВС переживают период системного кризиса, обусловленного не только барьерами на пути приобретения высокотехнологичных авиационных платформ нового поколения, но и критическим износом имеющегося авиапарка. Данная деградация затрагивает не только ударный компонент, но и военно-транспортный сегмент, что наглядно подтверждается катастрофой самолета *Lockheed Martin C-130 Hercules*, произошедшей 11.11.2025. Учитывая, что потерпевший крушение самолет находился в эксплуатации с 1968 г., профильное экспертное сообщество рассматривает данный инцидент как закономерное следствие фатальной выработки конструкционного ресурса устаревшей техники.

В течение последнего десятилетия турецкий сегмент пилотируемой авиации находился в состоянии очевидной стагнации, что контрастировало с успехами в области вертолетостроения, где мощности концерна *Turkish Aerospace* позволили обеспечить армию собственной линейкой боевых машин. Данная диспропорция гарантировала израильским ВВС неоспоримое технологическое доминирование в воздушном пространстве Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья. Учитывая фундаментальное значение стратегической авиации в архитектуре современной безопасности, именно этот фактор служил эффективным противовесом значительному численному превосходству турецких вооруженных сил на сухопутном и морском театрах. Таким образом, Тель-Авиву удавалось поддерживать военно-стратегический баланс, выступающий надежным инструментом сдерживания экспансионистских устремлений Анкары.

Инициированные Вашингтоном меры по ликвидации «авиационного дефицита» в турецких ВВС рассматриваются Тель-Авивом как экзистенциальный вызов, чреватый утратой технологического доминирования и системной деградацией военно-политического влияния Израиля в ближневосточном пространстве. Именно в этом контексте следует интерпретировать предостережение Б. Нетаньяху: реанимация проекта *F-35* для Анкары выступает не столько инструментом модернизации вооруженных сил страны-члена НАТО, сколько фундаментальным триггером демонтажа региональной архитектуры безопасности. По убеждению израильского руководства, подобный сценарий неизбежно нанесет ущерб долгосрочным стратегическим интересам самого Белого дома. В сложившейся ситуации прогнозируется резкая активизация израильских лоббистских структур в Сенате, Конгрессе и ближайшем окружении Д. Трампа, направленная на жесткое противодействие сделке и пролонгацию рестрикционного режима в отношении поставок *F-35 Lightning II*.

Заключение

Можно предположить, что дальнейшая стратегия Тель-Авива будет ориентирована на трансформацию сугубо технического аспекта оружейного контракта в масштабную геополитическую дилемму. Перед Белым домом ставится вопрос о выборе между двумя ключевыми региональными союзниками, с которыми Вашингтон готов разделить бремя ответственности за архитектуру безопасности на Ближнем Востоке. Сценарий сохранения паритета и равновесного взаимодействия США с Израилем и Турцией окончательно дезавуирован израильским руководством как неприемлемый.